

На правах рукописи

ЦВЕТКОВ Дмитрий Владимирович

**ОБРАЗ КИТАЯ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
(на материале русских переводов китайской литературы XVIII века)**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Краснодар
2024

Работа выполнена в отделе комплексных проблем изучения культуры Южного филиала федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» Министерства культуры Российской Федерации

Научный руководитель:

ПОПОВА Ирина Фёдоровна,

доктор исторических наук, ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук», член-корреспондент Российской академии наук

Официальные оппоненты:

ДУБРОВСКАЯ Динара Викторовна,

доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», заведующий отделом искусства и материальной культуры

ЕФИМЕЦ Мария Александровна,

кандидат культурологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского», преподаватель кафедры языкознания и литературы

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Защита состоится 27 февраля 2025 г. в 11.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.0.131.03 на базе ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ГБОУ ВО РК «Крымский университет, культуры, искусств и туризма» по адресу: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, каб. 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» по адресу: 350072, г. Краснодар, ул. 40 лет Победы, д. 33, корп. 1. Электронная версия полного текста диссертации размещена 03 декабря 2024 г. на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: http://dissovet.heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2024/12/Tsvetkov_diss.pdf.

Объявление о защите и электронная версия автореферата размещены 27 декабря 2024 г. на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru> и на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: <http://dissovet.heritage-institute.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Коваленко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность изучения образа Китая в культуре Российского Просвещения на материале русских переводов китайской литературы обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, посредством образа «Другого» любая культура в диалоговых отношениях познает себя. В рамках диалогической концепции художественного сознания культура в принципе не мыслится вне диалога. За пределами диалога она перестает существовать, теряет способность к самовоспроизводству, к воспроизводству коллективного, посредством которого формируется индивидуальность и способность личности к осознанному целерациональному поступку, как в рамках общей парадигмы коллективной деятельности, так и в рамках личностной автономии индивида. Сохранение и развитие культуры, укрепление культурной общности и идентичности требует постоянного межкультурного диалога. Соответственно, задачи сохранения и развития культуры могут продуктивно решаться только в рамках диалога культур. Диалог культур является принципиальным основанием для развития общества и единственной альтернативой конфликту цивилизаций, отрицающего ценность «Другого». Масштабирование диалога культур до уровня диалога цивилизаций обосновывает концепцию Сообщества единой судьбы человечества¹, согласно которой, будущее мира формируют все страны. Главным условием формирования будущего мира являются диалог и взаимоуважение. Этот факт подчеркивает необходимость пристального изучения исторического опыта диалога культур и цивилизаций. Одним из примеров и результатов такого диалога является формирование образа Китая в российской культуре XVIII в.

Во-вторых, в силу особого географического положения во все времена истории государства российского в символическом пространстве русской культуры не прекращался диалог Востока и Запада. Однако, если о влиянии европейского Просвещения на российскую культуру XVIII в. хорошо известно, то примеры российско-китайского диалога, принадлежащие этой эпохе, изучены недостаточно. Первые переводы исторической и философско-религиозной литературы Китая на русский язык являются примером межкультурной коммуникации России с Поднебесной, и появляются они именно в это время. С началом петровских реформ, а за тем под влиянием французского Просвещения формируется корпус переводимой литературы, который постепенно развивал образ Китая в среде просвещенной интеллектуальной элиты российского общества. Этот корпус по-прежнему представляет собой научную лагуну, слабо изученную область истории российской культуры, обладающую существенным потенциалом для изучения вопросов диалога культур. Изучение первых русских переводов китайских текстов позволяет проследить этапы развития образа Китая в российской культуре XVIII в., что значительно дополняет научные представления о многовекторности Российского Просвещения.

¹ Совместное формирование новых партнерских отношений и взаимного выигрыша создания общества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения 17.04.2024).

Наконец нельзя обойти стороной аспект усиления влияния культуры современного Китая. Как правило, эта тенденция связывается с экономической составляющей развития Китайской Народной Республики. Хотя китайская цивилизация никогда не была исключена из диалога культур, что и составляет исторический социокультурный базис наметившейся тенденции. В этом смысле обращение российской интеллектуальной элиты второй половины XVIII в. к сформировавшемуся в Европе образу Китая представляется одним из свидетельств постоянного диалога мировых цивилизационных центров.

Таким образом, изучение темы развития образа Китая в эпоху Российского Просвещения, начиная с петровских реформ, на эмпирическом материале первых русских переводов китайской литературы представляется актуальным и своевременным в нескольких аспектах расширения научного знания о диалоге культур. Культурологическое обобщение результатов анализа выбранного эмпирического материала предполагает, в том числе, уточнение научных представлений о характере Российского Просвещения, сохранившего многовекторность, несмотря на доминирование во многих областях культурной жизни привилегированного российского общества европейских эталонов.

Степень научной разработанности представленной в диссертации темы определяется сформировавшимся в научном дискурсе корпусом литературы по теории и истории культуры, включая проблематику диалога культур и развития диалогической концепции культуры, формирования и развития в российской науке междисциплинарной отрасли китаеведения и истории российско-китайских отношений, культурных связей России и Китая, а также культурного феномена Российского Просвещения. Этот межпредметный тематический корпус литературы можно представить несколькими блоками.

Первый блок литературы составляют работы теоретического характера, среди которых выделяются работы российских ученых над систематизацией наследия М. М. Бахтина, развитие его идей В. С. Библером, А. С. Ахиезером, а также плеядой ученых в рамках сложившегося отдельного междисциплинарного поля в российской науке – бахтиноведения (Н. К. Бонцакая, С. Г. Бочаров, М. Л. Гаспаров, А. А. Гусейнов, В. В. Кожин, А. Н. Малинкин, В. Л. Махлин, Н. И. Николаев и др.). В силу включенности философско-культурологических идей М. М. Бахтина в феноменологический, герменевтический, структуралистский и постструктуралистский дискурс (М. Шелер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер; Х.-Г. Гадамер; Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Делёз и др.), а также когнитивистику и реляционную теорию коммуникации (Л. Бакстер, Р. Крейг и др.), диалогическая концепция культуры и на сегодняшний день сохраняет не до конца раскрытый эвристический потенциал. В частности, вполне уместен синтез бахтинской диалогической концепции с теорией самоописания семиотических систем (Ю. М. Лотман), позволяющими понимать историю, как культурный текст, формирующий иерархические метамоделли коммуникации как в историческом времени, так и в современной культуре.

В целом диалогическая концепция культуры раскрывает механизм исторического развития систем надбиологических программ жизнедеятельности общества (М. С. Каган, В. С. Степин, А. Я. Флиер и др.) и предполагает с опорой

на обобщение исторического опыта проектировать и реализовывать стратегии межкультурного взаимодействия (Д. Мёрдок, Э. Холл, А. П. Садохин, И. В. Малыгина и др.). В частности, накопленный теоретический опыт позволяет уточнить место первых переводов китайской литературы на русский язык в формировании образа Китая в российской культуре XVIII в.

Второй блок литературы представляет собой отдельное направление истории изучения Китая в России, которое представлено как российскими, так и китайскими специалистами (П. Е. Скачков, В. Г. Дацышен, Цзи Юнхай, Ян Сюйминь, Лю Жомэй, С. Н. Артановский и др.). В целом история отечественной синологии представлена рядом монографий с охватом исторического периода с XIII по XX вв. Она представлена историей проникновения китайских товаров в торговые отношения славянских племен с Византией и Европой, возникновения и развития Русской духовной миссии в Пекине и в целом посольских миссий России в Китае и Китая в России, сравнительными исследованиями взаимодействия между китайской и русской культурами в контексте культурного обмена, включая историческое развитие российско-китайских отношений (П. Е. Скачков, В. С. Мясников, А. Д. Воскресенский, А. С. Ипатова, И. Ф. Попова и др.), культурные связи России и Китая (Н. А. Самойлов, Д. В. Дубровская, О. Л. Фишман, А. И. Кобзев, В. В. Копотилова и др.). Между тем, образ Китая в российской культуре, так же как роль в его формировании русских переводов китайской литературы представлены в исследованиях эпизодически, что требует культурологического обобщения.

Отдельный блок литературы посвящен Российскому Просвещению. Среди множества трудов российских ученых, прежде всего, следует выделить монографии С. О. Шмидта, Н. И. Павленко, О. А. Омельченко, А. Б. Каменского, раскрывающие специфику формирования дворянского сословия в XVIII в. на основе реформаторских идей Петра I и просветительской политики Екатерины Великой в контексте интеллектуальной жизни эпохи. Однако, как было отмечено выше, внимание отечественных исследователей культуры XVIII в. сконцентрировано, как правило, на проникновении в русскую культуру европейских идей и художественных образцов. В этом контексте, на наш взгляд, ценный эмпирический материал первых русских переводов китайской литературы не в полной мере оценен. Эпоха Российского Просвещения как период проникновения в российскую интеллектуальную среду текстов китайской литературы в принципе не рассматривалась, что образует определенную научную лакуну и требует культурологической оценки целого ряда исторических событий.

Таким образом, степень изученности представленной в диссертации темы в рамках обзора специального корпуса литературы, с одной стороны, позволяет сформировать релевантный задачам освещения образа Китая в Российском Просвещении научно-методический аппарат, включая инструментарий комплексного анализа отобранного эмпирического материала. Однако, с другой стороны, до последнего времени сформировавшийся в XVIII в. корпус переводов на русский язык китайских текстов, не был предметом комплексного культурологического анализа, что позволяет предполагать расширение области научных представлений о развитии образа Китая в Российском Просвещении.

Проблема исследования состоит в необходимости культурологического осмысления образа Китая, представленного в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

Объект исследования – диалог культур в эпоху Российского Просвещения.

Предмет исследования – образ Китая, представленный в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

Целью исследования является характеристика эволюции образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **научно-познавательных задач**:

1. Проанализировать теоретические подходы к исследованию функции «Другого» в диалоге культур для характеристики эволюции образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

2. Установить социальные, политические и культурные предпосылки возникновения в России интереса к китайским текстам, степень социокультурного взаимодействия России и Китая на протяжении XVIII в. и её влияние на эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

3. Уточнить круг переведившихся текстов, их тематику, структурные особенности, специфику образа Китая в них.

4. Изучить влияние неопубликованных и опубликованных переводов китайских текстов на эволюцию образа Китая в России XVIII в.

5. Охарактеризовать эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения.

Хронологические рамки исследования определяются эпохой Российского Просвещения, охватывающей XVIII в., начиная с реформаторской деятельности Петра I, заканчивая последним десятилетием столетия, когда в российском обществе наметилась девальвация идей французских просветителей, обусловленная, прежде всего, началом и последствиями Великой Французской революции. Кроме того, что анализируемый эмпирический материал непосредственно создается в среде интеллектуалов XVIII в., осмысление развития образа Китая в Российском Просвещении потребовало уточнения причинно-следственных связей с более ранним историческим временем или определенными событиями времени более позднего, что существенно не влияет на расширение хронологических рамок, а только подчеркивает включенность изучаемого периода в общий контекст исторического процесса.

Территориальные границы исследования: Россия (прежде всего Санкт-Петербург и Москва) – место подготовки и публикаций первых переводов; Китай (прежде всего Пекин) – местопребывание Русской духовной миссии и источник оригинальных текстов на китайском и маньчжурском языках; Европа (Франция и др. страны) – источник идей Просвещения и китайской литературы на европейских языках.

Вместе с тем, в отдельных случаях логика восстановления причинно-следственных связей исторического процесса потребовала эпизодического расширения географии (например, восстановления магистралей Великого

шелкового пути и его влияния на диалог культур разных народов, география путешествия Марко Поло по Азии и распространение в Европе артефактов китайской культуры). Эти расширения носят вспомогательный характер, частично дополняя картину развития образа Китая в Российском Просвещении.

Круг **источников исследования** составили неопубликованные материалы (Фонд «Сношения России с Китаем» Архива внешней политики России¹, фонды Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Академии наук², Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей Российской Академии наук³, фонды Санкт-Петербургского Филиала Архива Российской Академии наук⁴) в их сравнении с опубликованными. Из 60-ти наименований проанализированных опубликованных источников можно выделить исследования Г. Ф. Миллера⁵, переводы китайской литературы Русской духовной миссией в Пекине⁶, переводы китайской литературы российскими интеллектуалами с европейских языков⁷, сборники материалов исторического характера⁸, а также опубликованные и широко представленные на сетевых ресурсах справочные материалы на китайском языке⁹.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования является синтез структурно-семиотического (Ю. М. Лотман) и диалогического (М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. С. Ахиезер) подходов в рамках системного понимания культуры и культурогенеза (М. С. Каган, В. С. Степин, А. Я. Флиер) с учетом кросс-культурных представлений о культурных универсалиях (Д. Мердок и др.) и контекстуальной дифференциации культур в межкультурной коммуникации (Э. Холл и др.). Важным ориентиром для построения настоящего исследования выступили работы Н. А. Самойлова, посвященные истории культурных контактов России и Китая, где предложены пять этапов взаимодействия между разными культурами (стадии индифферентного взаимодействия, идентификации, активации, адаптации и социокультурного синтеза), а также отмечена неравномерность

¹ Архив внешней политики России. Ф. Сношения России с Китаем. Д. 8. Л. 12. ; Там же ... Д. 8. Л. 14. ; Там же ... Д. 12. Л. 2-2.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Р. 34. Оп. 5. Ед. хр. 11. 12 л.

³ Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей Российской Академии наук. Маньчж. ксил. Шифр В 27. 100 л.

⁴ Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 2. 213 л. ; Там же ... Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 3. 195 л.

⁵ История Сибири: в 2-х тт. М., Л., 1937–1941.

⁶ Дпей китаец. СПб, 1771. ; Китайские мысли. СПб., 1786. ; Китайские мысли. СПб., 1772. ; Леонтьев А.Л. Сышу геи, то есть Четыре книги с толкованиями. Книга Философа Конфуциуса. Перевод с китайского и маньчжурского на русский язык. СПб., 1780.

⁷ Тшуанг-тзе и Тиена, или открытая неверность. Повесть китайская, с приобщением трех повестей из книги называемой превраты счастья. СПб., 1785; Фонвизин Д. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1959.

⁸ См.: Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. ; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8 : 1746–1747. СПб., 1895.

⁹ См.: 大學, 中庸 / 譯注 王國軒. 北京, 2014. [Да сюэ (Великое учение), Чжун юн (Серединное и Неизменное) / пер. на совр. кит. яз. и коммент. Ван Госюань. Пекин, 2014.]; 孟子 / 譯注 萬麗華, 藍旭. 北京, 2015. [Мэн-цзы / пер. на соврем. яз. и коммент. Вань Лихуа и Лань Сюй. Пекин, 2015.]

взаимодействия культур на различных стадиях¹. Понимание истории как культурного текста на основе системного синтеза структурного и диалогического подходов (А. Я. Флиер, И. И. Горлова и др.) позволяет рассматривать социокультурное взаимодействие в качестве диалога культур, неравномерность которого объясняется различной степенью контекстуальности культур (Э. Холл и др.). Этот тезис позволяет наблюдать, что при взаимодействии культур различной степени контекстуальности наименее контекстуальная культура способна стать посредником в диалоге между двумя высококонтекстуальными культурами, медиация конструктивной напряженности (А. С. Ахиезер) между которыми и, соответственно, расширение пересечения семиосфер (Ю. М. Лотман) происходит менее интенсивно, чем при взаимодействии каждой из них с менее контекстуальным посредником. На этом тезисе строится авторский подход к анализу эволюции образа Китая в русских переводах китайской литературы XVIII в.

Научно-познавательные задачи, решения которых предполагают достижение поставленной цели, потребовали применения комплекса частно-научных и общенаучных методов. В процессе подготовки настоящей диссертации были задействованы методы историко-источниковедческого исследования: тематическая и перекрестная выборка эпистолярных источников, историко-генетический, историко-филологический и сравнительно-текстологический анализ. Исследование построено на сравнении и комплексном изучении архивных и опубликованных материалов с учетом исторических реалий, научной и культурной ситуаций эпохи (XVIII в.), что, в свою очередь, потребовало усиление исторических методов общенаучными (сравнение, анализ, обобщение, типология, интерпретация). Сложность и многоплановость объекта исследования обусловили междисциплинарную его ориентацию и использование специальных культурологических методов (историко-культурный, генетический, функциональный и семиотический анализ, культурологическая типологизация, культурологическая атрибуция), примененных на основе общенаучных принципов историзма и системности.

Научная новизна исследования достигается в диссертационной работе путем комплексного решения поставленных задач:

1. Анализ теоретических подходов к исследованию функции «Другого» в диалоге культур позволил предложить для характеристики эволюции образа Китая в русских переводах китайской литературы XVIII в. авторизованный методический комплекс и выделить три ведущих системных субъекта межкультурного диалога «Восток–Запад» (китайская культура, российская культура, европейская культура), непосредственно повлиявших на эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения. Новизну составляет наблюдение, что при взаимодействии культур различной степени контекстуальности наименее контекстуальная культура (европейская) стала посредником в диалоге между двумя высококонтекстуальными культурами (русской и китайской), оказав влияние

¹ Самойлов Н. А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая (до 1917 г.): методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2009. № 2. С. 253–258.

на интенсивность межкультурного взаимодействия и эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы (с. 155–175).

2. Установлены социальные, политические и культурные предпосылки возникновения в России интереса к китайским текстам, а также степень социокультурного взаимодействия России и Китая на протяжении XVIII в. и её влияние на эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения. К ведущим социальным предпосылкам относятся: 1) формирование и развитие в России по европейскому образцу института академической науки (Петербургской академии наук), по заказу которого осуществлялось коллекционирование и перевод китайской литературы (с. 68–69); 2) образование и укрепление по европейскому образцу феодального правящего класса – аристократии, дворянского сословия (адресата публикаций русских переводов китайской литературы во второй половине XVIII в.) (с. 128–135). Установлено также, что в течение XVIII в. взаимодействие России и Китая преодолевает стадии индифферентного взаимодействия, идентификации и активации. Причем корпус переводов китайской литературы свидетельствует не только о накоплении сведений о китайской культуре (стадия активации) (с. 61), но и об адаптации отдельных концептов китайской культуры к контекстам российской культуры, развивающихся, в том числе и под влиянием европейского Просвещения, что непосредственно повлияло на эволюцию образа Китая в переводах (с. 171–172).

3. Уточнен исчерпывающий корпус переведенных на русский язык в течение XVIII в. китайских текстов (с. 53–63). Проанализированы их тематика, структурные особенности, специфика транслируемого ими образа Китая (с. 181–182). Впервые был осуществлен сравнительно-текстологический анализ двух переводов жизнеописания Конфуция и их источников (с. 167–175).

4. Изучено влияние неопубликованных и опубликованных переводов китайских текстов на эволюцию образа Китая. В первой половине XVIII в. происходит становления российского китаеведения и накопление корпуса переводов с китайского и маньчжурского языков классической китайской литературы (с. 89–124). Во второй половине XVIII в. формируется аристократическое дворянское сословие, на просвещение которого были нацелены переводы китайской литературы с европейских языков российскими интеллектуалами (с. 155–175). Вполне очевидно, что именно усиление интереса в среде российских интеллектуалов к китайской литературе стало одним из решающих факторов издания, накопленных в первой половине века переведенных материалов (с. 179–180).

5. Характеризуя эволюцию образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения следует отметить, что в первых переводах И. К. Россохина неопределенный образ сказочной далекой страны обретает реальные очертания географически и интеллектуально богатого государства, имеющего глубокую династическую историю и особенные устойчивые религиозно-нравственные нормы политического устройства (с. 79–124). Постепенное расширение корпуса русских переводов с китайского и маньчжурского языков обогащал образ Китая за счет сопоставления духовно-нравственных контекстов китайской культуры с аналогичными контекстами

русской культуры, что формировало образ глубоко религиозного китайского общества, относящегося с непреходящим почтением к собственным «святителям», конфуцианским учителям и мудрой верховной власти (с. 123). Переводы китайской литературы с европейских языков не имеют столь богатого духовно-религиозного контекста. Более того, в них усматривается тенденция десакрализации верховной власти, нуждающейся в нравочужениях от лица просвещенных интеллектуалов (с. 179–180).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Образ Китая в Российском Просвещении формируется и развивается непосредственно в диалоге культур «Восток–Запад», в котором выделяются три основных субъекта: китайская культура, российская культура и европейская культура. Различия в степени контекстуальности обозначенных субъектов обуславливают различную интенсивность межкультурных контактов и социокультурного взаимодействия. Более интенсивные контакты европейской культуры с китайской и российской, нежели между китайской и российской, объясняется высокой степенью контекстуальности последних, требующей более продолжительного периода медиации базовых культурных концептов и расширения области пересечения уникальных богатых семиосфер. Европейская культура, активно интерпретируя концепты иных культур, выступила посредником между высококонтекстуальными культурами России и Китая.

2. В эволюции образа Китая в эпоху Российского Просвещения (XVIII в.), помимо продолжительного этапа индифферентного взаимодействия российской и китайской культур в допетровскую эпоху, выделяются два этапа: 1) прежде всего это переход от сказочно-мифологического образа далёкой неизвестной страны к образу географически и интеллектуально богатого государства с многовековой историей в результате первых переводов на русский язык компиляций европейской литературы о Китае приглашенными Петром I академиками и первых переводов с китайского и маньчжурского языков китайской литературы И. К. Россохиным – этот этап знаменует собой преодоление стадии индифферентного взаимодействия российской и китайской культур и переход к стадии идентификации; 2) первые публикации трудов И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева во второй половине XVIII в. совпадают с обострением интереса к образу Китая в европейской литературе со стороны российских интеллектуалов, что соответствует стадии активации социокультурного взаимодействия России и Китая, которое осуществляется, в том числе, при посредничестве европейской культуры, и влечет за собой дальнейшую десакрализацию образа Китая, интерпретируемого уже как образ светской просвещенной монархии. На протяжении двух выделенных этапов эволюции образа Китая в переводах китайской литературы накапливается сложная совокупность религиозных, философских, нравственных и политических контекстов, подготавливающая следующую стадию социокультурного взаимодействия России и Китая – стадию адаптации.

3. Структурные особенности переводов китайской литературы на русский язык в XVIII в. обнаруживают сходство с жанром поучений древнерусской литературы. Кроме того, в переводах И. К. Россохина, Я. Волкова, А. Л. Леонтьева и А. С. Агафонова прослеживается более контекстуально

богатая палитра образов и нравственно-этических категорий, нежели в переводах китайской литературы с европейских языков российскими интеллектуалами. Посредничество европейской культуры в данном конкретном случае существенно упростило категориальный аппарат конфуцианской философии, приспособив его под европейские идеи Просвещения.

4. Влияние неопубликованных и опубликованных переводов китайских текстов на эволюцию образа Китая в сознании просвещенной российской элиты (аристократии) неравноценно. Переводы китайской литературы с европейских языков в большей мере повлияли на формирование образа Китая в дворянской среде, нежели более точные изыскания школы переводчиков Русской духовной миссии. Помимо контекстуальной сложности оригинальной китайской литературы и стремящихся к категориальной точности переводов специалистов Русской духовной миссии, фактором распространения популярного, но далекого от культурной самобытности образа Китая в дворянской среде стала оторванность аристократии от сложных и многогранных контекстов русской культуры и, как следствие, неспособность понимать сложные контексты иной культуры.

5. Эволюция образа Китая в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения характеризуется двумя пересекающимися тенденциями: первая связана с попыткой контекстуальную сложность категорий китайской культуры переводить в контексты русской культуры непосредственно с оригиналов на китайском и маньчжурском языках (эту тенденцию условно можно обозначить как Восток → Запад); вторая, более поздняя тенденция, – это переводы китайской литературы с европейских языков в этических категориях европейского Просвещения (эту тенденцию условно можно обозначить как Запад → Восток). Эти две тенденции отражают противоречия развития российской культуры XVIII в.: с одной стороны, рост национального самосознания интеллектуальной элиты российского общества постепенно формировал предпосылки к осознанию важности сохранения контекстуального богатства и самобытности русской культуры, с другой — популярность европейских культурных нормативов мышления и поведения в дворянской среде создавала препятствия для осмысления правящим сословием контекстуального богатства русской и каких бы то ни было иных культур, контекстуально богаче европейской.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в раскрытии эвристического потенциала взаимодополнительности ряда значимых для раскрытия темы диссертации теорий: теории самоописания семиотических систем и диалогической концепции культуры, теории кросс-культурных исследований, межкультурной коммуникации и исторического культурогенеза. Образ Китая в Российском Просвещении рассмотрен на материале русских переводов китайской литературы XVIII в., при этом часть источников впервые введены в научный оборот и переведены на современный русский язык, что раскрывает дальнейшие перспективы прибавления научного знания по обозначенной теме, включая исследования в области истории изучения Китая, истории российско-китайских отношений, межкультурной

коммуникации, диалога культур и эволюции образа Другого в социокультурных взаимодействиях.

Практическая значимость исследования определяется, прежде всего, раскрытием роли исторического образа Китая в процессе развития общероссийского национального самосознания в эпоху Российского Просвещения, что вносит вклад в фактологическое обеспечение совершенствования образования и просвещения в Российской Федерации, включая расширение научных сведений для составления программ лекционных курсов в высших учебных заведениях и учебных пособий.

Личный вклад соискателя состоит в:

– авторизации методического комплекса изучения образа Китая в Российском Просвещении на материале русских переводов китайской литературы XVIII в.;

– осмыслении общественных и культурных тенденций, имевших место в России XVIII в., повлиявших на появление первых переводов китайских текстов;

– выявлении мотивов, которыми руководствовались переводчики и издатели, занимавшиеся публикациями рассматриваемых переводов;

– анализе многочисленных архивных материалов и опубликованных текстов, связанных с переводческой деятельностью русских интеллектуалов XVIII в.;

– введении в научный оборот ранее не исследованных материалов.

Степень достоверности и апробация полученных результатов подтверждается широким кругом источников, среди которых имеются как архивные материалы, так и опубликованные тексты. Было использовано обширное количество научной литературы на русском, китайском, английском и других европейских языках.

По теме исследования автором было опубликовано 18 научных работ на русском языке. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 11 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых: Шестой международный симпозиум по изучению письменных памятников Востока (Санкт-Петербург, Восточный факультет СПбГУ, 10–12 октября, 2016 г.), Ежегодные востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга (Санкт-Петербург, ИВР РАН, 13–14 ноября 2017 г.), Ежегодная научная сессия ИВР РАН (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2017 г.), международные научные конференции «Общество и государство в Китае» (Москва, ИВ РАН, 9–11 декабря 2021 г.), «Китайская цивилизация в диалоге культур» (Москва, МГОУ, 15 февраля 2022 г.).

Тема диссертационного исследования соответствует п. 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; п. 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; п. 12. Взаимоотношение глобального и локального в культурном развитии.

Менталитет и глобалитет культуры; п. 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории; п. 20. Компоненты культуры (мифология, религия, искусство, образование, просвещение, наука, мораль и др.); п. 38. Культура и коммуникация. Межкультурные коммуникации паспорта научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, проблематика которых рассмотрена в системной взаимосвязи, раскрывающей предмет исследования (образ Китая, представленный в русских переводах китайской литературы эпохи Российского Просвещения).

Структура диссертационного исследования. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Общий объем диссертации 272 страницы. Список литературы включает 299 наименований.

В приложении представлены материалы первоисточников, а также таблицы результатов сравнения и перевода первоисточников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, проанализирована степень разработанности проблемы изучения образа Китая в культуре Российского Просвещения в научной литературе, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, а также теоретико-методологические принципы и методы их решения, сформулированы положения, выносимые на защиту, дана оценка степени научной новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости, представлены сведения об их апробации и публикации в научной периодике.

В первой главе работы **«Методологические вопросы изучения образа Китая в Российском Просвещении»**, состоящей из трех параграфов, рассматриваются концептуальные основания исследования, исторические предпосылки развития образа Китая в российской культуре, а также классификация китайской переводной литературы XVIII в.

В первом параграфе первой главы **«Образ Другого в диалоге культур»** рассмотрены функции образа Другого на основе диалогической концепции художественного сознания М. М. Бахтина в логике её развития В. С. Библером и А. С. Ахиезером, а также в контексте теории кросс-культурных исследований (Д. Мердок) в части определения роли культурных универсалий во взаимодействии культур с учетом контекстуальной дифференциации культур в межкультурной коммуникации (Э. Холл), а также уточнен категориально-терминологический аппарат исследования, позволяющий осуществить продуктивный методологический синтез.

Центральное место в параграфе занимает обобщение наиболее значимых для раскрытия темы диссертации научных подходов на основе принципа дополнительности и возможности согласования концепций культуры.

Акцентировано внимание, что между теориями культурных универсалий¹, межкультурной коммуникации², самоописания семиотических систем³, культурогенеза⁴ и диалога⁵ нет принципиальных противоречий.

Общие поведенческие категории, отмеченные Мёрдоком, регулируют индивидуальную и коллективную деятельность, а её результаты могут быть идентифицированы как культурные артефакты, позволяющие характеризовать ту или иную культуру. В этом отношении кросс-культурная концепция пересекается с деятельностным (Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов, А. Я. Флиер и др.) и диалогическим подходами в российской культурологии (М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. С. Ахиезер и др.) в части понимания, что именно деятельность и её результаты составляют поддающуюся наблюдению и изучению часть реальности.

Концепция межкультурной коммуникации Э. Холла, опирающаяся на положения кросс-культурной теории, обращает внимание на различную плотность культурной информации, выражаемую контекстом общения. По плотности контекста Э. Холл выделяет высококонтекстуальные (в том числе, Российскую и Китайскую культуры) и низкоконтекстуальные культуры (Англии, Скандинавии, Германии, Франции и др.). Типология культур Э. Холла перекликается с первыми наблюдениями русской философии XIX в. относительно несоразмерности европейской и русской культур. По мысли И. В. Киреевского, самоопределение русской культуры невозможно исключительно посредством европейских категорий в силу их ограниченности и сконцентрированности на неприсущих русской культуре феноменах. Европейская мысль аналитична, в то время как русская культура определяется посредством идеала «целостного разума», «средоточия сердца»⁶. Прозрения ранней русской философии носили полемический характер саморефлексии и общественно-политических дискуссий славянофилов и западников вплоть до концептуализации культурно-исторических типов Н. Я. Данилевским. Тем не менее, содержание этой полемики позволяет выделить в общем поле диалога культур «Восток–Запад» три ключевых субъекта межкультурного взаимодействия XVIII в.: европейскую, российскую и китайскую культуры.

Эвристический потенциал российской культурологии, усиленный теориями Д. Мердока и Э. Холла, позволил обратить внимание на различия в интенсивности межкультурного взаимодействия в зависимости от степени контекстуальности субъектов взаимодействия.

Во втором параграфе первой главы **«Предпосылки развития образа Китая в российской культуре»** рассмотрены исторические и географические факторы участия русской культуры XVIII в. в диалоге «Восток–Запад». Проанализирован исторический опыт межкультурной коммуникации русской культуры с народами Востока в развитии переводческой практики на примере

¹ Мёрдок Д. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 49–57.

² Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, 1977.

³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

⁴ Флиер А. Я. Культурогенез. М., 1995.

⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 1. М., 2003.

⁶ Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 49.

азбуковников, проведено сравнительно-текстологическое исследование ряда исторических свидетельств о ранних контактах Древней Руси с Китаем.

Древняя Русь имела тесные культурные и экономические связи с восточными соседями. Хотя не существует достоверной информации о первых контактах Китая и Руси, заслуживает внимания мнение Л. Н. Гумилева об упоминании в «Слове о полку Игореве» некоей страны «хиновой».

В XIII в. укрепляется Монгольская империя, предопределявшая политические, социальные, экономические и этнические процессы в Восточной и Центральной Азии, включая завоеванный Китай. Эти события описываются и в китайской литературе («Записки о путешествии в Западный край» 西遊錄 Елюй Чуцая, «Записки о посольстве на Север» 北使記 Угусуня Чжундуаня, «Записки о путешествии на Запад» 西遊記 Чанчуня и др.). Представляется наиболее вероятным, что первые сведения о Китае могли проникнуть на Русь именно в этот период через народы, с которыми контактировали монголы и китайцы.

Наиболее ранние достоверные сведения о контактах русских и китайцев относятся к первой половине XIV в. В «Юаньши» в записях о правлении императора Вэнь-цзуна (Тогон-Тэмура) (文宗 1330–1333) встречаются упоминания об «Охранном русском полке, прославившемся верностью» (宣忠幹羅思扈衛親軍). Солдаты этого полка были набраны из выходцев из русских княжеств. Этот единственный достоверно зафиксированный контакт на первой стадии индифферентного взаимодействия (Н. А. Самойлов).

В XVII в. произошли первые дипломатические контакты России и Китая, свидетельствующие о постепенном переходе ко второй стадии «узнавания» (идентификации). Первыми трудами о Китае стали путевые дневники и записи участников экспедиций в Китай (экспедиция томских казаков во главе с И. Бегловым 1608 г., экспедиция И. Петлина 1618 г., – хотя они и преследовали цель установление регулярных дипломатических отношений с Минским Китаем, цель не была достигнута): «Роспись» И. Петлина, «Статейный список» Ф. И. Байкова, «Наказ о посольстве в Китай Федора Байкова», путевой дневник «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» и «Статейный список» Н. Г. Милеску-Спафария. С 1692 по 1695 гг. длилась экспедиция в Китай под руководством И. Идеса, отраженная в его совместном с А. Брандом труде «Записки о русском посольстве в Китай».

Таким образом к началу XVIII в. во взаимоотношениях России и Китая сложились объективные предпосылки преодоления стадии индифферентного взаимодействия¹.

Третий параграф первой главы **«Классификация китайской переводной литературы в Российском Просвещении»** посвящен установлению и общей характеристике исчерпывающего перечня русских переводов китайской литературы, осуществленных в XVIII в. Кроме того, в параграфе осуществляется экспликация авторизованного методического аппарата в предметную область исследования эволюции образа Китая в переводах на русский язык эпохи

¹ Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Образ Петра Великого в странах Восточной Азии. М., 2022. С. 42–78.

Российского Просвещения (XVIII в.) установленного корпуса тестов китайской литературы.

Классификация переводов китайской литературы осуществлена по содержательным признакам, по признаку издания и по языкам источников.

По содержанию, первые русские переводы китайских текстов разделяются на две категории: переводы исторических сочинений и философско-религиозных текстов.

К переводам исторических сочинений относится работа И. Россохина над текстами: «Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями. С маньчжурского на российский язык перевел прапорщик Ларион Разсохин», «История завоевания китайским ханом Кан-хием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии», «Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славнороссийского народа», «Сборник статей, относящихся к Китаю», а также самая масштабная работа над «Обстоятельным описанием маньчжурского народа и войска в восьми знаменах состоящего».

К категории философско-религиозных текстов относятся некоторые труды И. Россохина и его учеников: «Книга Сышу или Шан Лунь июу Китайского кунфудзыйского закону. Философические разные рассуждения» – первый русский перевод конфуцианского текста «Лунь юй» Я. Волкова, «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» – перевод текста «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» и «Китайского графа Сюэ Вынь Цин Гуна собственные рассуждения о себе самом» – выдержек из трудов неоконфуцианского мыслителя Сюэ Вэньцина. Также сюда относятся тексты, переведенные А. Леонтьевым: «Китайские мысли», «Депей китаец», «Ге янь, то есть, Умные речи», «Чензья китайского философа совет, данный его государю» и др. Данные тексты представляют собой переводы философских и политических сочинений, созданных в разные исторические эпохи. К переводам собственно религиозных текстов можно отнести «Уан у джын юань, или Истинный источник всех тварей, или Книга об истинном источнике всех тварей» – католический катехизис, переведенный с маньчжурского языка А. Агафоновым. Кроме того, к философским сочинениям относятся не прямые переводы, выполненные с европейских языков русскими интеллектуалами екатерининской эпохи: «Та-гио, или Великая наука» – перевод конфуцианского трактата «Да сюэ», выполненный Д. И. Фонвизинным с французского языка, «Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника» – компиляция выдержек из текстов «Лунь юй» и «Чжун юн», переведенных с латинского корректором Щегловым (Щеголевым), «Экономия жизни человеческой, или Сокращение индийского нравоучения, сочиненное некоторым древним брамином и обнародованное чрез одного славного Бонза Пекинского на китайском языке», выполненный Е. П. и П. Д. Цициановыми и др.

Из всех вышеприведенных к неопубликованным текстам относятся переводы, выполненные Россохиным, за исключением «Обстоятельного описания...», а также перевод «Лунь юя», выполненный Волковым и «Уан у джын юань...» в переводе Агафонова. На сегодняшний день эти материалы

хранятся в рукописном виде в академических учреждениях Санкт-Петербурга: Отдел рукописей Библиотеки академии наук и Санкт-Петербургском филиале Архива академии наук. Переводы А. Л. Леонтьева и переводы, подготовленные интеллектуалами екатерининской эпохи (Д. И. Фонвизиным, Щегловым, М. И. Веревкиным, Е. П. и П. Д. Цициановыми и С. П. Колосовым), были опубликованы.

Что касается языков, с которых выполнялись рассматриваемые в данной работе переводы, то среди них были как языки Китая, так и европейские языки. Переводы, выполненные учениками Русской духовной миссии в Пекине (И. К. Россохиным, Я. Волковым, А. Л. Леонтьевым и А. С. Агафоновым) были сделаны с китайского и маньчжурского языков. Российские мыслители и общественные деятели екатерининской эпохи выполняли не прямые переводы с европейских языков: с французского и латыни.

Эволюция образа Китая в переводах XVIII в. переживает два этапа: 1) переход от сказочно-мифологического образа далёкой неизвестной страны к образу географически и интеллектуально богатого государства с многовековой историей (первые переводы И. К. Россохина) – этот этап знаменует преодоление стадии индифферентного взаимодействия российской и китайской культур и переход к стадии идентификации; 2) публикация трудов И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева во второй половине XVIII в. совпадает с интересом к образу Китая в европейской литературе со стороны российских интеллектуалов, – это следующая стадия активации социокультурного взаимодействия России и Китая, которая связана с посредничеством европейской культуры и десакрализацией образа Китая. На этих этапах накапливается сложная совокупность религиозных, философских и политических контекстов в литературе XVIII в., подготавливающая следующую стадию адаптации во взаимодействии культур России и Китая.

Вторая глава **«Формирование образа Китая в первой половине XVIII века»** посвящена анализу содержания переведенной с китайского и маньчжурского языков литературы в контексте социокультурных условий раннего Российского Просвещения, которая лишь частично была опубликована уже во второй половине XVIII в. на волне роста интереса к китайской литературе российских интеллектуалов.

В первом параграфе второй главы **«Характеристика раннего Российского Просвещения»** раскрывается исторический, социокультурный и политический контекст петровских реформ, повлиявших на становление российского китаеведения.

Учреждая Петербургскую академию наук (1724), Петр I и его соратники руководствовались практическими государственными нуждами, в том числе, необходимостью исследовать крайние восточные пределы Российского государства и собирать сведения об Азии и Северной Америке. Соответственно, Академия наделялась соответствующими функциями: ученого собрания, организатора среднего и высшего образования, издателя литературы (учебники, научные труды и др.), исследовательского института, библиотеки, коллекционировавшей научную литературу на разных языках, института перевода зарубежной литературы на русский язык.

У истоков российского востоковедения стояли Г. З. Байер (1694–1738) и Г. И. Ф. Остерман (1686–1747), начавшие формировать тематические коллекции книг (помимо материалов от миссионеров в Пекине, в Библиотеку Академии поступали личные собрания и коллекции Петра I, А. А. Винуса, Р. К. Арескина, Я. В. Брюса, Д. М. Голицына, Г. Пашке; появление в Библиотеке материалов на языках народов Дальнего Востока связано с именами Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), Л. Ланга (1690–1752) и др.).

Пополняемый корпус литературы на различных языках нуждался в переводе. С этой целью в 1735 г. по распоряжению президента Академии наук И. А. Корфа организовано Российское собрание (Конференция) — собрание академических переводчиков: в 1743 г. оно реорганизовано в Ведомостную переводческую экспедицию, в компетенцию которой входили переводы для «Санкт-Петербургских ведомостей» и подразделений Академии.

В 1748 г. при Академии наук был создан Исторический департамент, которым руководил академик Г. Ф. Миллер (1705–1783), участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743), исследователь Сибири, истории, культуры и этнографии народов региона, автор фундаментального труда «История Сибири», где помимо европейских авторов, есть упоминания переводов и исследований И. К. Россохина. Во время работы у Миллера Россохин подготовил несколько исторических сочинений. Самым крупным из них является «Обстоятельное описание маньчжурского народа и войска в восьми знаменах состоящего» (1784), подготовленное совместно с А. Л. Леонтьевым, состоящее из семи томов и до сих пор остающееся ценным источником сведений о маньчжурах. Другим важным трудом Россохина является «Описания путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у Калмыцкого хана Аюки на Волге» (1782), сведения из которого встречаются в очерке Миллера «Известие о шелковых заводах... С приобщением некоторых от Прапорщика Лариона Россохина учиненных примечаний», опубликованного в майском выпуске «Ежемесячных сочинений...» 1757 г.

Таким образом, деятельность Петербургской академии наук способствовала переходу межкультурных контактов России и Китая от индифферентного взаимодействия к стадии идентификации, но сама идентификация китайской культуры происходила под влиянием европейской научной мысли. Академия наук в России формировалась как научный институт европейского образца, который импортировал и европейских ученых, и сложившиеся в Европе представления о Китае. Вместе с тем, европейские ученые, составившие высший эшелон академической иерархии в России, не были способны к переводу китайской литературы в концептосферу русского языка, которая оставалась слабо изученной, и сама требовала перевода в более конкретные категории европейского знания.

Во втором параграфе второй главы **«Знакомство И. К. Россохина с первоисточниками древней китайской истории»** представлен анализ переведенных И. Россохиным с китайского и маньчжурского языков текстов исторического содержания.

Проанализированы и атрибутированы с первоисточниками «Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян

Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями» (1746) (潘氏總論 – сокращенный вариант «Всеобщего зеркала, управлению способствующего», 通鑑綱目), «История завоевания китайским ханом Кан-хией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (точная дата перевода неизвестна, но рукопись датирована серединой XVIII в. – перевод исторического сочинения начала XVIII в. маньчжурского автора Вэнь Да (溫達) «Циньчжэн пиндин шомо фанлюэ» о Первой ойратско-маньчжурской войне 1690–1697 гг.), «Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Кан-хи, называемой «О завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (фрагменты «Истории завоевания китайским ханом Кан-хией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии», в которых говорится о России), «Сборник статей, относящихся к Китаю», включающий в себя: 1) «Описание о горах Алтайских переведено из китайской книги Дай-Цин-и-тун-джи» (перевод выдержек из «Да Цин и тунджи», «Всеобщего уложения Великой Цин» 大清一統誌), 2) «Челобитную, которую подали математического собрания члены именем Южишинь аньдо (езуиты) государствованию Канхи 30 году 12 месяца 16 числа (то есть 11 января 1692 году) на всемилостивейшее рассмотрение» (перевод текста челобитной, поданной иезуитами императору Канси в 1692 г., в которой выражена просьба прекратить гонения на христиан; оригинальный текст был выгравирован на стеле, установленной возле ворот Сюаньбу мэн (宣武門) (другое название — Шуньчэн мэн 順承門), находящихся на юге Пекина; он был переписан Россохиным на китайском языке и в настоящее время находится в Библиотеке Академии наук), 3) «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках, коим образом оные ...» (представляет собой скорее тематическое исследование Россохина на основе различных источников, содержащее подробное описание способов изготовления пиротехнических изделий и состава пороха, проиллюстрированное рисунками и пояснениями; на полях рукописи множество пометок и исправлений).

Анализ неопубликованных рукописей Россохина позволяет заключить, что выполненные им переводы были подчинены исследовательским задачам, которые решались по заказу Г. Ф. Миллера. Несмотря на то, что рукописи помимо переводов содержат результаты оригинальных научных исследований, включая анализ эмпирического материала и отдельные авторские статьи, они не были опубликованы, хотя и цитировались в изданных трудах Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера.

В контексте стадияльной концепции Н. А. Самойлова обращает внимание на себя факт научного интереса Россохина к языкам, культуре и истории Китая, свидетельствующий об активном накоплении достоверных сведений, формирующих реальный образ Китая. Работы Россохина относятся к стадии активации социокультурного взаимодействия России и Китая, но, к сожалению, они не были опубликованы. Несмотря на внимание к работам Россохина академиков, они не были широко известны, хотя и опередили свое время: социокультурное взаимодействие между культурами России и Китая в первой

половине XVIII в. оставалось на стадии идентификации, которую характеризует процесс «узнавания» культурами друг друга.

В третьем параграфе второй главы **«Внимание Русской духовной миссии к официальной идеологии Цинского Китая»** осуществлен анализ насыщения образа Китая философско-религиозными и политическими смыслами в переводах И. К. Россохина, Я. Волкова, А. С. Агафонова. Корпус проанализированного эмпирического материала представляет собой неопубликованные рукописи, которые в ходе диссертационного исследования были атрибутированы и сопоставлены с первоисточниками.

Интерес к текстам философского содержания был обусловлен стремлением учитывать в российско-китайских дипломатических отношениях официальную идеологию Цинского Китая, знание которой необходимо для выстраивания дружественных международных связей.

Первым начал переводить философские тексты И. К. Россохин (1745): «Как некоторый мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы» («Мальчик спорил с Конфуцием» 小儿奈孔子), «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» (二十四孝), «Перевод Цянь-дзы-вынь, то есть Учение с краткой историей из тысячи китайских разных характер состоящее, которое сочинено около 502 году после рождества Христова Джеу-Линь-Цынем славным учителем Китайским об одну ночь с поседением на голове и бороде его волосах» (на основе «Тысячесловия» – 千字文), «Китайского графа Сюэ Вынь Цин Гуна собственные рассуждения о себе самом» (по-китайски писал ученик Яков Волков), – а также проанализированы: компиляция из нескольких первоисточников Я. Волкова «Книга Сышу или Шан Лунь июу Китайского кунфудзыйского закону. Философические разные рассуждения. Переведена на российский язык Яковом Волковым» и перевод с китайского языка катехизиса итальянского миссионера-иезуита Дж. Аллени начала XVII в. «Уан у джын юань, или Истинный источник всех тварей, или Книга об истинном источнике всех тварей» (萬物真原) А. С. Агафонова 1791 г.

Ряд признаков этого корпуса переводов говорит о том, что он сформирован не случайно. Выборка первоисточников была ориентирована на официально одобренные Цинским Китаем и популярные в первой половине XVIII в. в Китае тексты. В частности, в рукопись «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» (二十四孝) включено предисловие к маньчжурскому изданию, написанное в 1736 г. императором Цяньлуном, где сказано, что издание представляет собой восстановленный изначальный вариант «Эр ши сы сяо», в котором все главы собраны в нужном порядке и добавлены недостающие в знак почтения императора к его наставнику. Кроме того, сопоставление с первоисточником («Ду шу лу») рукописи Россохина «Китайского графа Сюэ Вынь Цин Гуна собственные рассуждения...», позволяет заключить, что переводчик акцентирует внимание на значимых, с его точки зрения, положениях конфуцианской философии.

Обращение к философской тематике переводчиков Русской духовной миссии представляет собой расширение контекста образа Китая, в котором наблюдается поиск общих для российской и китайской культур мировоззренческих категорий. Наиболее ярким примером является

концептуализация Россохиным социального статуса Конфуция как Святого мужа, в которой усматривается параллель с русской летописной традицией. Не случайно и обращение к переводу с китайского наследия христианской мысли (обнаружение европейского влияния), что, с одной стороны, подтверждает посредничество европейской культуры в диалоге России и Китая в XVIII в., а с другой – фиксирует узнавание европейской культуры в культурном пространстве Китая. Можно наблюдать, что российская интеллектуальная элита в лице переводчиков Русской духовной миссии преодолевает стадию идентификации в социокультурном взаимодействии России и Китая, но несколько опережает время, поскольку труды переводчиков не издаются.

Третья глава **«Влияние европейского Просвещения на интерес в России к китайской литературе во второй половине XVIII века»** посвящена оценке степени влияния европейской культуры на эволюцию образа Китая в переводной литературе екатерининской эпохи.

Первый параграф третьей главы **«Характеристика культуры Екатерининской эпохи»** посвящен осмыслению идей европейского Просвещения, хорошо известных в среде российского дворянства, – сложившегося к середине XVIII в. по европейскому образцу привилегированного сословия.

В европейском сознании XVIII в. Китай воспринимался как страна, где у власти стоят добродетельные императоры, полагающиеся на поддержку мудрых и искренних сановников. Основатель иезуитской миссии в Китае Маттео Риччи и его последователи Джулио Аллени (1582–1649), Фердинанд Вербист (1623–1688), Адам Шалль фон Белл (1593–1666) и др. писали об истории Китая и различных аспектах его культуры. Эти труды имели широкое хождение среди европейских мыслителей XVII–XVIII вв. и оказали влияние на интеллектуальную жизнь эпохи Просвещения в Европе и России. К китайскому примеру обращается Ш. Л. Монтескье в труде «О духе законов». О Китае писал Ж.-Ж. Руссо («Рассуждение о науках и искусствах» и «Общественный договор»). Историей и культурой Китая интересовался Д. Дидро, восхищаясь достигнутым в китайском обществе балансом между религией и разумом (в статьях из «Энциклопедии» восхищенные отзывы о государственном устройстве Китая, его искусстве и философии).

Вольтер обращался к культурам Востока, черпая в них вдохновение и примеры для продвижения либеральной идеологии Просвещения. Интересу Вольтера к Востоку способствовали связи с иезуитами, завязавшиеся в годы обучения в Коллеже Людовика Великого. Вольтер читал труды иезуитов, в том числе по Китаю, и благодаря связям с членами Общества Иисуса приобрел глубокие знания о китайской культуре. Среди религиозно-философских учений Вольтер считал наиболее близким себе конфуцианство с его приматом рационального начала над мистическим и тщательно разработанным нравственным идеалом, выраженным в концепции «благородного мужа». Конфуцианские идеи прослеживаются в трактате «Несведущий философ», где присутствует глава «О Конфуции», в произведениях «Назидательные речи, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 г.», «Философском словаре», в прозе («Задиг, или Судьба», «Рассказ об одном диспуте в Китае»,

«Китайский катехизис» и др.). При написании этих произведений Вольтер стремился, во-первых, передать свои антиклерикальные взгляды, во-вторых, – конфуцианские идеи, сделавшие Китай, по его мнению, «самым процветающим государством в мире».

Как отмечает А. А. Кара-Мурза, популярность либеральных идей в России была обусловлена всплесками «русской смуты» XVII–XVIII вв., в ходе которой вскрылась неустойчивость авторитарно-приказного строя, характерного для русского государства допетровской эпохи¹. Однако нельзя не учитывать и того, что в среде российского дворянства доминировали европейские культурные образцы поведения, мировоззренческие стереотипы, этические нормы и эстетические вкусы. В этой связи интерес к переводам древнекитайской литературы с европейских языков Д. И. Фонвизина, М. И. Веревкина, Щеглова/Щеголева (в оригинале публикаций «Щгль»), Е. П. и П. Д. Цициановых, В. Г. Рубана, редактора и издателя Н. И. Новикова и др. не выходит за рамки моды на все европейское (литературу, искусство, архитектуру, масонство и пр.).

Второй параграф третьей главы **«Работа А. Л. Леонтьева с литературой на китайском и маньчжурском языках»** посвящен анализу вклада переводов китайской литературы А. Л. Леонтьевым в развитие образа Китая во второй половине XVIII в.

Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716–1786), ученик IV духовной миссии в Пекине, явился продолжателем заложенной И. К. Россохиным традиции российского китаеведения. Во многом благодаря ему в 1784 г. были изданы основные труды его старшего современника и наставника, вошедшие в семь томов фундаментального для своего времени труда по истории и философии Китая в семнадцати томах².

В диссертации проанализирована лишь четыре из многочисленных переводов А. Л. Леонтьева, представляющие собой репрезентативную выборку, характеризующую специфику российского китаеведения XVIII в.: «Чензыя китайского философа совет, данный его государю» (1770) (перевод выдержек из трудов неоконфуцианских мыслителей эпохи Сун братьев Чэн Хао (程顥 1032–1085) и Чэн И (程頤 1033–1107)), «Депей китаец» (1771), «Китайские мысли» (1772, 1779) и «Ге янь, то есть Умные речи» (1779).

Переводы китайских философско-религиозных текстов, в особенности о морально-нравственных основах бытия, на которых строится управление государством, и их публикация Леонтьевым существенно расширяют сферу образа Китая, по крупницам сформированного Россохиным. Леонтьев посредством переводов акцентирует внимание на сакральных морально-нравственных основаниях императорской власти в Китае, где государство – император-отец, а народ – дети. Концепт «император-отец» близок русскому концепту царя-батюшки, а конфуцианский концепт «государство-семья» практически тождественен русскому концепту Отечества. Для отображения

¹ Кара-Мурза А. А. О национальных вариантах либерализма в русской модели в частности // Российский либерализм... Орел, 2018. С. 28–38.

² Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего / [пер. И. К. Россохина, А. Л. Леонтьева] ; Изданием Имп. Акад. наук. В 17 тт. СПб., 1784.

Леонтьевым Китая как образа Другого использует традиционный для древнерусской литературы жанр поучений, в которых сакрализуется княжеская власть как источник и Богом данный судья моральных норм общественного бытия: в его переводах наблюдается глубокое взаимопроникновение контекстов двух культур. Интерпретация Леонтьевым конфуцианских концептов «Большого тела» и «Малого тела» в духе различения тварного (природного, т. е. «малого») и божественного («большого») в человеке осуществлена с христианско-антропологических позиций. Концепты китайской культуры не поддаются полному дословному переводу, сохраняя свой уникальный богатый контекст, но их включение в семиосферу русской культуры посредством близких по значению христианско-антропологических контекстов обогащает образ Китая (Другого), включая его в концептосферу христианской морали.

Таким образом, специфику традиции российского китаеведения, заложенной в XVIII в. первыми переводчиками китайской литературы, составляет пристальное внимание к философско-религиозным и политическим смыслам самобытных концептов исторической и морально-нравственной жизни китайского народа, постижение культурных контекстов которых возможно благодаря сопоставлению с равнозначными по богатству контекстов и нравственной нагрузке концептами русской культуры.

В третьем параграфе третьей главы **«Русские переводы китайской литературы с европейских языков»** осуществляется сравнительный перекрестный анализ содержания переводов китайской литературы с европейских языков российскими интеллектуалами второй половины XVIII в. (Д. И. Фонвизиным, М. И. Веревкиным, Щегловым/Щеголевым, Е. П. и П. Д. Цициановыми, В. Г. Рубаном) с китайскими и европейскими оригиналами, а также впервые осуществлено сравнение перевода Фонвизиным «Да сюэ» с переводом Леонтьева, к чему призывал Алексей Леонтьевич российских читателей еще в 1780 г.

Как отмечает А. И. Кобзев, «труд Д. И. Фонвизина можно считать издававшимся многократно, но до сих пор его прямое сличение с китайским оригиналом или переводом с такового не производилось, хотя призыв к этому был опубликован уже в 1780 г., в результате чего воспроизводятся неидентифицируемые транскрипции и ошибочные суждения о составе текста... А. Л. Леонтьев был вполне осведомлен о переводе Д. И. Фонвизина, завершив свое издание предложением (правда, воспроизведенным не во всем тираже) “любопытному читателю” сравнить оба перевода и, “может, получить больше удовольствия”, а следовательно, прекрасно понимал высвеченный знаменитым сатириком критический потенциал данного произведения в условиях тогдашней России»¹. В процессе нашего сопоставления китайского текста «Да сюэ» с французским переводом П.-М. Сибо, а также с переводом Фонвизина и переводом Леонтьева было установлено, что версия Сибо и выполненный с нее перевод Фонвизина во многих местах существенно отличаются от китайского текста и выполненных с него других переводов.

¹ Кобзев А. И. Судьба «Да сюэ» в России и на Западе // Архив российской китаистики. М., 2013. Т. 2. С. 150–171.

Французская версия и выполненный с нее перевод Фонвизина являются публицистическими произведениями, которые содержат анализ и критику социально-политических реалий Европы. Просветители стремились подчеркнуть, что монарх должен быть достойным примером для своих подданных и не должен злоупотреблять своим положением, т. е. предполагается, что в политической реальности все иначе, поэтому и нужны подобные произведения. Вариант же Леонтьева более точный, близкий к китайскому оригиналу, в нем выдержан принцип сакральности нравственных основ социального бытия, исходя из которых сакрализуется и политическая сословная иерархия.

Сравнительный перекрестный анализ содержания переводов китайской литературы с европейских языков российскими интеллектуалами второй половины XVIII в. с китайскими и европейскими оригиналами показал, что европейские источники и переводы с них частично являются адаптациями китайской литературы к социально-политической и культурной ситуации в европейских странах. В них игнорируется необходимость раскрытия исторического, социально-политического и философского контекста оригинальных категорий древнекитайской культуры, а доминирует нравоучительная (пасторская) их интерпретация.

Таким образом, переводы китайской литературы с европейских языков, выполненные российскими интеллектуалами во второй половине XVIII в., в большей степени транслируют ценности и идеалы европейского Просвещения. Данные переводы и переложения создавались под влиянием идей французского Просвещения, и популярных представлений о китайском государстве как идеальном воплощении идей Просвещения на практике.

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Диссертант отмечает, что китайская культура, в первую очередь, ее идеологический аспект, оказала влияние на жизнь российского общества XVIII в., но тем не менее, это влияние было опосредовано европейской культурой.

В соответствии с концепцией о стадиях культурных контактов, рассмотренные в данном исследовании переводы появились на второй и третьей стадиях – идентификации и активации, когда возникает активный интерес к другой культуре и появляется потребность в ее системном изучении. Четвертая и пятая стадии (адаптации и социокультурного синтеза) взаимодействия культур России и Китая в рассмотренный период только начинали закладываться в трудах Россохина и Леонтьева, но не были достигнуты в силу высокой контекстуальности обеих культур.

Стремясь усилить влияние России на международной арене и активно проводя политику продвижения на Восток, российское правительство нуждалось в сведениях о народах, населявших этот регион. Важную роль здесь сыграла научная работа академиков Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера. При написании своих научных работ они стремились использовать весь доступный фактический материал, в том числе на восточных языках. Для эффективного развития отношений с Китаем по заказу российского правительства изучалась история и культура этой страны. Вследствие этого в академических кругах возникла

потребность в знатоках китайского и маньчжурского языков, которые могли бы переводить китайские тексты для дальнейшего изучения. Традиции российского китаеведения были заложены переводчиками и исследователями китайской культуры И. К. Россохиным и А. Л. Леонтьевым.

Интерес к Китаю в России XVIII в. возник во многом под влиянием идей Просвещения. Многие русские интеллектуалы второй половины XVIII в. находились под влиянием идей о гармоничной просвещенной личности, о возможности создания идеального общества и государства. Для этих целей российские писатели, журналисты, книгоиздатели и общественные деятели обращались к китайской философской мысли, заимствуя концепцию идеальной личности и принципы управления государством. С этой целью, такими авторами, как Д. И. Фонвизин, М. И. Веревкин, С. П. Колосов, В. Г. Рубан, Е. П. и П. Д. Цициановы и др. были переведены и переложены многие классические труды назидательного характера. Эти тексты предполагалось использовать в качестве наставлений по самосовершенствованию, правильному поведению в обществе и управлению государством. Целевой аудиторией этих текстов стала сформировавшаяся в течении XVIII в. российская аристократия.

Основные положения и выводы исследования представлены в следующих публикациях автора, в том числе:

в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Цветков, Д. В.* Деятельность и научное наследие И. К. Россохина в контексте культурного взаимодействия России и Китая (30–60-е гг. XVIII в.) / Д. В. Цветков // *Наследие веков.* – 2023. – № 3. – С. 15–25. – DOI : 10.36343/SB.2024.39.3.001. (1,0 п.л.)

2. *Цветков, Д. В.* Первые в России сведения о буддизме / Д. В. Цветков // *Вопросы истории.* – 2023. – № 12-2. – С. 148–157. – DOI : 10.31166/VoprosyIstorii202312Statyi4. (0,5 п. л.)

3. *Цветков, Д. В.* Русские масоны XVIII века как проводники китайской философской мысли / Д. В. Цветков // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* – 2023. – № 3. – С. 244–257. – DOI : 10.47132/2541-9587_2023_3_244. (1,0 п. л.)

4. *Цветков, Д. В.* Основные формы культурных связей России и Китая в XVIII в. / Д. В. Цветков // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры.* – 2023. – № 2. – С. 68–74. – DOI : 10.30725/2619-0303-2023-2-68-74. (0,3 п. л.)

5. *Цветков, Д. В.* Конфуцианские идеи и русская культура XVIII века на примере «Описания жизни Конфуция, китайских философов начальника» / Д. В. Цветков // *Библиосфера.* – 2022. – № 3. – С. 83–91. – DOI : 10.20913/1815-3186-2022-3-83-91. (0,3 п. л.)

6. *Цветков, Д. В.* Рукописный русско-китайский словарь из коллекции БАН / Д. В. Цветков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение*

и африканистика. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 480–489. – DOI : 10.21638/spbu13.2020.401. (0,3 п. л.).

7. *Цветков, Д. В.* Особенности первых в России словарей китайского и маньчжурского языков на примере двух рукописей из коллекции РНБ / Д. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 279–285. – DOI : 10.21638/spbu13.2019.302. (0,5 п. л.).

8. *Цветков, Д. В.* Рукопись «Паньши-Дзун Лунь, то есть сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань Ши Жуном с обстоятельными примечаниями» в переводе И. К. Россохина как источник по истории Китая в России XVIII в. / Д. В. Цветков. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. – 2018. – № 6-1. – С. 39–44. (0,5 п. л.).

9. *Цветков, Д. В.* Роль Г. Ф. Миллера в становлении русского китаеведения / Д. В. Цветков // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 30–36. (0,5 п. л.).

10. *Цветков, Д. В.* Катехизис Д. Алени «Об истинном начале всех вещей» на китайском языке и его перевод, выполненный А. Агафоновым / Д. В. Цветков // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 7–16. (0,5 п. л.).

11. *Цветков, Д. В.* Особенности текста «Великое учение» («Да сюэ») в интерпретации Д. И. Фонвизина / Д. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 305–314. – DOI : 10.21638/spbu13.2018.302. (0,3 п. л.).

в других научных изданиях:

12. *Цветков, Д. В.* Роль Китая в русской общественно-политической мысли XVIII в. / Д. В. Цветков // Китайская цивилизация в диалоге культур : матер. V междунар. науч.-практ. конфер. (Москва, 15 февраля 2022 г.). – Москва : Знание-М, 2022. – С. 246–254. (0,5 п. л.).

13. *Цветков, Д. В.* Влияние китайской классической лексикографии на составление первых в России словарей китайского и маньчжурского языков / Д. В. Цветков // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях : сб. мат. X всерос. науч.-практ. конфер. (Белгород, 20 июня 2020 г.). – Белгород : Белгородский гос. ин-т искусств и культуры, 2020. – С. 41–47. (0,6 п. л.).

14. *Цветков, Д. В.* Особенности первого перевода конфуцианского текста «Луньюй» на русский язык / Д. В. Цветков // Библиосфера. – 2019. – № 2. – С. 65–69. – DOI : 10.20913/1815-3186-2019-2-65-69. (0,5 п. л.).

15. *Цветков, Д. В.* Ранний этап изучения китайского языка в России : По материалам архивных источников / Д. В. Цветков // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях : сб. мат. IX всерос. науч.-практ. конфер.

(Белгород, 26 марта 2019 г.). – Белгород : Белгородский гос. ин-т искусств и культуры, 2019. – С. 132–138. (0,6 п. л.).

16. *Цветков, Д. В.* О неизвестном переводе одного религиозного текста, выполненном Алексеем Агафоновым / Д. В. Цветков // Библиосфера. – 2018. – № 2. – С. 50–53. – DOI : 10.20913/1815-3186-2018-2-50-53. (0,2 п. л.).

17. *Цветков, Д. В.* Труд малоизвестного неоконфуцианского мыслителя в переводе И. К. Россохина / Д. В. Цветков // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. – 2017. – № 11-2. – С. 55–64. (0,6 п. л.).

18. *Tsvetkov, D. V.* About Some Little-Known Translations of Chinese Literature by Illarion K. Rossohin // The 6-th International Symposium on Oriental Ancient Documents Studies (Saint-Petersburg, October 10–12, 2016). – Saint-Petersburg : Saint-Petersburg State University, 2016. – P. 87–88. (0,10 п. л.)

Общий объем публикаций автора по теме диссертационного исследования – 8,8 п. л.

Цветков Д. В.

**ОБРАЗ КИТАЯ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
(на материале русских переводов китайской литературы XVIII века)**

Автореферат

Подписано в печать: 27.12.2024. Объем уч.-изд. л.: 1,90

Отпечатано с оригинал-макета заказчика